

СТИХИ О ВОЙНЕ.

- Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто
моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь,-
Речь не о том, но все же, все же, все
же...

- Все переменится вокруг.
Отстроится столица.
Детей разбуженных испуг
Вовеки не простится.
- Не сможет позабыться страх,
Изборождавший лица.
Сторицей должен будет враг
За это поплатиться.
- Запомнится его обстрел.
Сполна зачтется время,
Когда он делал, что хотел,
Как Ирод в Вифлееме.
- Настанет новый, лучший век.
Исчезнут очевидцы.
Мученья маленьких калек
Не смогут позабыться.

- Воюют стрелковые роты,
Уставшие, в серых шинелях.
Бойцы легендарной пехоты,
Расходные... словно мишени.

Их жарит огонь минометный,
В мороз согревает лопата...
Не вспомнит фамилию ротный
Убитого рядом солдата.

Голодный...
без сна...
обессилен,
Засыпанный мёрзлой позёмкой
Орлов, а быть может Васильев,
Убит был немецким осколком.

.....

...распахнуты настезь ворота,
Не зная грядущих лишений,
Течёт пополнение в роты
В залатанных наспех шинелях

■ 22 июня 1941 года

- Казалось, было холодно цветам, и от росы они слегка поблёкли. Зарю, что шла по травам и кустам, обшарили немецкие бинокли.
- Цветок, в росинках весь, к цветку приник, и пограничник протянул к ним руки. А немцы, кончив кофе пить, в тот миг влезали в танки, закрывали люки.
- Такою все дышало тишиной, что вся земля еще спала, казалось. Кто знал, что между миром и войной всего каких-то пять минут осталось!
- Я о другом не пел бы ни о чем, а славил бы всю жизнь свою дорогу, когда б армейским скромным трубачом я эти пять минут трубил тревогу.

- На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают,
К ним кто-то приносит букеты цветов,
И Вечный огонь зажигают. Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче - гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы -
Все судьбы в единую слиты.

-
- «Никто не забыт и ничто не забыто» -
 - Горящая надпись на глыбе гранита.
 -
 - Поблекшими листьями ветер играет
 - И снегом холодным венки засыпает.
 -
 - Но, словно огонь, у подножья – гвоздика.
 - Никто не забыт и ничто не забыто.
 -

- Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надежней
места
Отныне в мире для ребенка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не
упал,
Прижав к груди заснувшую
игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

- Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам
рукой...
Ты говоришь, что есть еще
другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до
конца.

Я должен видеть теми же
глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с
нами
И поцелует горсть своей земли.

За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский
закон.
Теперь мой дом не там, где
прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.
1941г.

- *Был трудный бой. Всё нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
А как зовут, забыл его спросить.*
- *Лет десяти-двенадцати. Бедовый,
Из тех, что главарями у детей,
Из тех, что в городишках
прифронтовых
Встречают нас как дорогих гостей.*
- *Машину обступают на стоянках,
Таскать им воду вёдрами — не труд,
Приносят мыло с полотенцем к танку
И сливы незрелые суют...*
- *Шёл бой за улицу. Огонь врага был страшен,
Мы прорывались к площади вперёд.
А он гвоздит — не выгнать из башен,
—
И чёрт его поймёт, откуда бьёт.*
- *Тут угадай-ка, за каким домишкой
Он примостился, — столько всяких дыр,
И вдруг к машине подбежал парнишка:
— Товарищ командир, товарищ командир!*

- *Я знаю, где их пушка. Я разведаль...
Я подползал, они вон там, в саду...
— Да где же, где?.. — А дайте я поеду
На танке с вами. Прямо приведу.*
- *Что ж, бой не ждёт. — Влезай сюда,
дружище! —
И вот мы катим к месту вчетвером.
Стоит парнишка — мины, пули
свищут,
И только рубашонка пузырём.*
- *Подъехали. — Вот здесь. — И с
разворота
Заходим в тыл и полный газ даём.
И эту пушку, заодно с расчётом,
Мы вмяли в рыхлый, жирный
чернозём.*
- *Я вытер пот. Душила гарь и копоть:
От дома к дому шёл большой пожар.
И, помню, я сказал: — Спасибо, хлопец!
—
И руку, как товарищу, пожал...*
- *Был трудный бой. Всё нынче, как
спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
Но как зовут, забыл его спросить.*

- Уходили мальчики – на плечах шинели,
Уходили мальчики – храбро песни пели,
Отступали мальчики пыльными степями,
Умирали мальчики, где – не знали сами...
Попадали мальчики в страшные бараки,
Догоняли мальчиков лютые собаки.
Убивали мальчиков за побег на месте,
Не продали мальчики совести и чести...
Не хотели мальчики поддаваться страху,
Поднимались мальчики по свистку в атаку.
В черный дым сражений, на броне покатоЙ
Уезжали мальчики – стиснув автоматы.
Повидали мальчики – храбрые солдаты –
Волгу – в сорок первом,
Шпрее – в сорок пятом,
Показали мальчики за четыре года,
Кто такие мальчики нашего народа.

- Ни звуков оркестра, ни слез, ни речей.
В молчанье окрестность. Хоронят парней.
В солдатской могиле — десятки мужчин:
Лишенные силы, лежат как один.
- Устало лопаты мелькают вдали,
Как будто солдаты жалеют земли.
И вдруг: «Подождите!» — подвозчика крик...
Глядят на убитых — застыли на миг.
- Вдоль борта на бричке, среди павших вчера,
Раскинув косички, лежит медсестра.
Глядят виновато, не зная, как быть:
В могилу к солдатам иль рядом долбить?
- На лицах смятенье: нелегок их труд!
К какому решенью солдаты придут?
Дымят самокрутки, мрачнеет заря,
И сосны в округе в молчанье не зря...
- Январская стужа: земля — что гранит.
Нелепая служба — солдат хоронить!
Минуя воронки, телеги скрипят,
И вот в стороне уж кирками стучат.